

"Братик" — слово, которое он не слышал уже пятнадцать лет. Но сердце Янь Хэцина не дрогнуло, только на мгновение мелькнуло недоумение: вчера вечером же держался, почему теперь разрыдался?

Однако он быстро собрался и мягким, тёплым голосом спросил:

"Что случилось? Почему ты плачешь?"

Услышав голос Янь Хэцина, Линь Фэнчжи уже не смог сдержаться, ему стало ещё обиднее.

Ведь все вокруг так любят его... Почему только Лу Линь не запомнил? Или... может быть, у Лу Линя уже есть кто-то, кого он любит?

Стоило только подумать об этом, как слёзы снова хлынули из глаз: "Братик, я хочу спросить у тебя один вопрос..."

"Конечно".

Линь Фэнчжи прикусил уже кровоточащую губу. Спустя некоторое время разжал зубы и тихо спросил: "Тот друг, который подарил тебе дорогие фрукты... ты... ты её любишь?"

Он понял, как больно любить кого-то.

Янь Хэцин, услышав это, примерно догадался, в чём дело.

Линь Фэнчжи снова весь в мыслях о любви, и раз так горько плачет — значит, он только что ходил к Лу Линю. В ту ночь, когда была свадьба, Лу Линь действительно пошёл в номер 2120.

Наверное, он просто не узнал Линь Фэнчжи... и тот не выдержал.

В оригинальном тексте в общей сложности 5 миллионов слов. Только в финале, на свадьбе Лу Мучи и Линь Фэнчжи, Лу Линь наконец вспомнил его имя.

"Братик?.." — Янь Хэцин не ответил сразу, и Линь Фэнчжи заволновался: "Она ведь так хорошо к тебе относится, очень любит тебя, готова ради тебя на всё, даже жизнью пожертвовать... И ты всё равно не тронут? Всё равно не примешь её?"

Янь Хэцин помолчал немного, затем ответил:

"Нет. Не люблю".

Линь Фэнчжи застыл. Слезы снова хлынули, он едва слышно пробормотал: “Но... она ведь так тебя любит... Неужели... даже такая любовь всё равно не подойдёт?”

“Человек, который легко готов расстаться с жизнью, не может меня тронуть. И тем более я не смогу быть с ним”, — спокойно сказал Янь Хэцин: “Я сам ради того, чтобы жить, готов отдать всё”.

Линь Фэнчжи опешил: “Я не понимаю...”

Янь Хэцин спокойно сменил тему: “Где ты сейчас?”

Линь Фэнчжи огляделся вокруг. Он уже выбежал за пределы территории дома Лу и оказался на перекрёстке. Было тихо, пустынно, ни одного прохожего, лишь изредка вдалеке мелькали фары. Он покачал головой: “Не знаю... Я не умею ориентироваться... Здесь перекрёсток...”

Янь Хэцин внезапно спросил: “Какое сегодня число?”

Линь Фэнчжи не ожидал такого вопроса. Он отодвинул телефон, посмотрел на экран, затем снова поднёс к уху:

“Двадцать девятое”.

Он не понял, при чём тут дата.

Янь Хэцин сказал: “Завтра начинаются итоговые экзамены”.

В Т университете и Пекинском университете расписание экзаменов одинаковое. Завтра у Линь Фэнчжи тоже экзамен.

И правда, Линь Фэнчжи завис на месте, прежде чем глухо пробормотал:

“Я забыл...”

Янь Хэцин устроился поудобнее и спокойно, не торопясь сказал: “Сейчас слушай меня. Сначала встань”.

Линь Фэнчжи вытер глаза рукавом и послушно встал: “Встал”.

“Подойди к краю дороги”.

Линь Фэнчжи подошёл.

“Протяни руку вперёд”.

Он немного поколебался, но всё же протянул. Только собрался спросить зачем, как тут же перед ним остановилось такси.

Услышав шум, Янь Хэцин спросил: “Машина приехала?”

Линь Фэнчжи сразу понял: Янь Хэцин всё это время направлял его, чтобы он вызвал такси! Он шмыгнул носом: “Да”.

“Садись. Назови водителю свой адрес. Как приедешь — сразу спать. Завтра экзамен”.

У Линь Фэнчжи защипало в носу, слёзы снова подступили. Янь Хэцин... он правда так его любит. Он сдержал слёзы и кивнул: “Угу. Я послушаюсь тебя”.

Он открыл дверь, сел в машину и назвал адрес.

С Янь Хэцинем ему было так спокойно... Хотелось говорить ещё, но Янь Хэцин сам заговорил первым: “Когда приедешь домой — напиши. А я пока спать”.

И только тогда Линь Фэнчжи услышал, какой усталый у него голос. Ему стало немного жаль прощаться, но и правда было уже слишком поздно. Он потер нос: “Угу”.

Янь Хэцин завершил звонок.

Раз уж его разбудили, сон пропал. Он включил настольную лампу, накинул домашнюю кофту, встал с постели и включил компьютер.

Бледный свет экрана упал ему на лицо. Пластыря уже не было; царапина побледнела — почти зажила.

Янь Хэцин сосредоточенно печатал на клавиатуре. Почти в полночь зазвонил телефон, не вызов, а сообщение в WeChat:

[Братик, ты уже спишь? Я благополучно доехал домой.]

Янь Хэцин ответил:

[Спокойной ночи.]

Увидев ответ почти сразу, Линь Фэнчжи отложил телефон и слегка подтолкнул подвешенную под настольной лампой фигурку Ультрамена. Ультрамен покачивался в мягком свете.

Нос снова защипало. Вот бы Лу Линь тоже заботился о нём так, как Янь Хэцин...

*

В минималистичной комнате в серо-белых тонах Лу Линь держал в пальцах почти догоревшую сигарету.

Тук-тук.

Кто-то постучал в дверь.

“Входи”, — спокойно сказал Лу Линь.

Дверь открылась. Лу Чанчэна тут же кольнул запах табака, он нахмурился и остановился у порога: “А Линь, освободи завтрашний вечер, поужинаешь с дядей Цзянем”.

Лу Линю почти тридцать, а он всё ещё не собирается жениться. Лу Чанчэн этим крайне недоволен. Но повлиять на него он не может. Когда-то он женился на матери Лу Линя по расчёту, и условием было, что второй ребёнок войдёт в род её семьи. Мать Лу Линя тоже носила фамилию Лу, и второй ребёнок, Лу Линь, формально принадлежал к её ветви.

С самого рождения Лу Линя забрали к бабушке с дедушкой по материнской линии, и только к поступлению в университет он вернулся в семью Лу. Отношения со всеми были холодные и отстранённые.

Лу Чанчэн никогда особо не привязывался к этому сыну, с которым почти не общался. Хоть и носили одну фамилию, но тот Лу был не его Лу.

Он больше симпатизировал Лу Ханю, но тот оказался никудышным. Перед смертью глава семьи лично назначил преемником Лу Линя.

Позапрошлым летом умерла бабушка Лу Линя, а в прошлом и дедушка. С тех пор Лу Чанчэн хотел, чтобы Лу Линь “вернулся в род”, то есть стал официально частью его линии семьи Лу.

Но Лу Линь полностью игнорировал его, чем довёл того до белого каления. У Лу Чанчэна поднялось давление, и он пролежал в больнице почти две недели.

Теперь он затеял сватовство, но открыто предложить не решался, поэтому действовал окольными путями: приглашал Лу Линя на “обычный ужин”, на котором должна была присутствовать единственная дочь семьи Цзян.

Но Лу Линь всё прекрасно понимал.

Сигарета почти догорела, он затушил её ободком одноразового бумажного стаканчика, временно служившего пепельницей. Сигарета вспыхнула напоследок и погасла.

Он даже не обернулся:

“Не получится. Я занят”.

Лу Чанчэн сдержал раздражение: “Чем занят?”

“Рыбалкой”.

От злости Лу Чанчэн едва не пошатнулся. Лу Линь совершенно явно шёл наперекор ему. Тот весь задрожал от гнева:

“Обязательно, чтобы тебя твоя мать звала?!”

Мать Лу Линя всегда была нездорова. Всего через несколько лет после его рождения ей стало тяжело даже передвигаться, и с тех пор она постоянно проходила восстановление на вилле на полпути в горы.

Лу Линь наконец обернулся. Спокойно сказал: “Не приплетай сюда мою маму. И забудь о том, чтобы устраивать мне свидания. Если я захочу жениться — женюсь сам”.

Лу Чанчэн резко развернулся и ушёл.

Лу Линь бросил взгляд на баночку с прикормкой, стоявшую на столе, затем встал и начал собирать снасти к завтрашней рыбалке.

*

Во вторник утром секретарь по привычке собрала все документы, требующие рассмотрения, и отнесла их на рабочий стол Лу Линя, чтобы он занялся ими на следующий день.

Оставив внушительную стопку, она уже собиралась уходить, как вдруг остановилась, удивлённо уставившись на левый верхний угол стола, где раньше стоял сувенир. Его не было. Она не

могла понять, Лу Линь сам его убрал или это кража? Ходили слухи, что этот предмет был изготовлен на заказ и стоил десятки тысяч.

Она поспешно вернулась к своему столу и со своего телефона связалась с помощником.

Тот ответил ей парой сообщений. Секретарь заметно удивилась, потом кивнула: “Поняла”.

Теперь ей стало ясно, почему Лу Линь в последнее время так часто заказывает кофе и торт. Всё дело в том красивом юноше. Секретарша занервничала. Она ведь сама хотела приударить за Янь Хэцинем... Неужели босс слышал, как она за глаза болтала о нём? Слава богу, Янь Хэцин не добавил её в WeChat... А то пришлось бы с Лу Линем соперничать за мужчину...

Секретарша с облегчением похлопала себя по груди.

*

В это же время Янь Хэцин вошёл в экзаменационный зал. Прибыв в университет, он специально прошёл мимо главного входа и увидел, что Янь Шэнбинь больше не дежурит там. А вот Чжао Хуэйлинь по-прежнему сидела и поджидала.

Получив экзаменационный лист, Янь Хэцин собрался с мыслями и сосредоточился на ответах.

Скоро чистый бланк был исписан аккуратным почерком. Он ответил быстро, проверил всё и сдал работу досрочно.

Потом зашёл в столовую, перекусил чем-то простым, а затем направился в библиотеку. После обеда у него был ещё один экзамен. И этот лист ему показался несложным. Он вновь сдал его раньше срока.

На этот раз он специально вышел через главный вход университета.

Видимо, он сильно изменился. Он сам подошёл к Чжао Хуэйлинь, и только тогда та его узнала.

И действительно, Чжао Хуэйлинь в первый момент не поверила, что перед ней Янь Хэцин.

Юноша перед ней — одетый тепло, с чистым и ясным лицом — будто светился изнутри. Он совершенно не походил на того молчаливого, покорного мальчишку с балкона, которого можно было безнаказанно бить и оскорблять.

Чжао Хуэйлинь запнулась: “Ты... ты Хэцин?”

Янь Хэцин ответил: “Почему ты одна?”

Только теперь она окончательно убедилась, что это и впрямь Янь Хэцин. В другое время она бы уже наорала на него, но сегодня наоборот с интересом подошла поближе: “Не знаю, не путаю ли, но у тебя, кажется, был родной младший брат? Его вроде бы забрала какая-то богатая семья?”

Янь Хэцин спокойно повторил: “Почему ты одна?”

Чжао Хуэйлинь расплылась в улыбке:

“Значит, ты не такой уж бессердечный. А твой отец сейчас занят”.

В последнее время Янь Шэнбинь часто мотался по делам и почти не бывал дома.

Чжао Хуэйлинь с торжеством заявила: “Ты не думай, что если выписался из нашей семьи, то дело закрыто. Я у юриста спрашивала. При нашей ситуации ты обязан нас содержать”.

Янь Хэцин спокойно сказал: “Видимо, юрист, к которому ты обращалась, недостаточно компетентен”.

Улыбка Чжао Хуэйлинь застыла: “Что ты имеешь в виду?”

“Юрист, с которым консультировался я, сообщил, что если родители серьёзно издевались над ребёнком, и между ними не осталось эмоциональной связи, то в судебной практике это — основание...” — Янь Хэцин сделал паузу, дождавшись, пока лицо Чжао Хуэйлинь побледнеет, и только потом произнёс: “... для утраты права на содержание”.

Чжао Хуэйлинь не разбиралась в законах и не знала, правда это или нет. Но уверенность Янь Хэцина была такой непоколебимой, что она онемела.

Лишь когда он задал странный вопрос: “Так спешишь меня найти... Деньги закончились?”

Чжао Хуэйлинь опомнилась и, махнув рукой с раздражением, выдала: “Да, всё, кончились! И что? Там вообще кот заплакал! Это всё ты виноват! Пять миллионов не взял, а десять тысяч и на зуб не хватит!”

Янь Хэцин кивнул: значит, всё так.

Больше он с ней не разговаривал и просто ушёл.

Чжао Хуэйлинь хотела было броситься за ним, но вспомнила его слова про судебное решение, и её охватило волнение. Выругавшись, она развернулась и побежала к автобусной остановке, чтобы как можно скорее попасть домой и проконсультироваться у местного юриста с соседней улицы.

*

Загородное частное озеро. Прикормка, которую Лу Линь забросил в ледяную лунку два часа назад, уже привлекла множество рыбы. Под толщей льда кишмя кишело от тех, кто жадно рвался к крючку.

Сегодня Янь Хэцин не пришёл на рыбалку.

Лу Линь перевернул страницу “И никого не стало”, даже не обратив внимания на яростно трясущееся удище.

Почти в девять, завершив рыбалку, Лу Линь собрал вещи и вернулся к стоянке. Едва сел в машину, как в кармане завибрировал телефон.

Он устроился в водительском кресле и только тогда достал устройство.

Только он его разблокировал — пришло уведомление из WeChat.

Отправитель: 52 Герц.

В этот же момент Янь Хэцин отправил заранее подготовленное сообщение:

[Извините, господин Лу. У меня сегодня начались финальные экзамены, и только сейчас появилось время подготовить ответный подарок. Спасибо за “Куб света”, он мне очень понравился. Надеюсь, мой подарок тоже вам придётся по душе.]

<http://bllate.org/book/15726/1407445>